

А. В. ПЕРЦЕВ*

«БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ» ДАНТЕ — ГЛАЗАМИ Р. ГВАРДИНИ
(ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА)

О Данте Алигьери и его великом произведении писали в России много. Чем же может быть интересен отечественному читателю перевод работы немецкого теолога, философа и литературоведа, знатока феноменологии и герменевтики Романо Гвардини (1885–1968) — «Божественная Комедия» Данте. Ее философские и религиозные основные идеи? Что в ней есть такого, чего нельзя было бы почерпнуть из трудов российских искусствоведов, эстетиков и историков философии?

Обратим внимание только на две такие особенности.

Во-первых, Романо Гвардини родился в Италии, а затем переехал с семьей в Германию, где получил образование — начиная со школы. Дома у него продолжал существовать мир итальянской культуры и итальянского языка (книгу Данте с иллюстрациями ему еще в детстве подарил отец). А вокруг Романо Гвардини в Германии, где прошла вся его жизнь, существовала культура немецкая, которую он тоже осваивал с трепетом и основательностью. Идею написать труд с разбором «Божественной комедии» ему подсказал немецкий профессор, добавив при этом, что с удовольствием сделал бы это сам, если бы в совершенстве владел итальянским языком. Понятно, что имелся в виду труд о Данте на немецком языке — для немцев.

В общем, от Р. Гвардини по понятным причинам ожидали толкования и объяснения итальянской культуры для тех, кто к этой культуре не принадлежит. Эта задача была им прекрасно решена. Он рассказывает, в частности, о том, что ад в «Божественной комедии» — именно итальянский. Итальянец, человек южный, не может страдать от жары так, как он может страдать

* Перцев Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет.

от холода. Поэтому Сатана в дантовском аду вмерз в лед. И поведение обитателей ада — тоже вполне итальянское. Северянин привык закутываться от холода так, чтобы в одежде не оставалось ни малейшей дырочки, через которую могло бы выйти наружу тепло от тела. Именно так северянин мыслит и тело свое — как непроницаемую оболочку, в которую замкнуто для сохранения тепло души. Все жаркие переживания происходят у немца-северянина внутри, а тело и лицо выражают *хлад*, который стойко обращен против *хлада внешнего*.

Не то у итальянца. Итальянец привык носить в жарком климате необходимый минимум одежды. Южная полу-нагота не есть *обнажение* как поступок и как приглашение к чему-либо. Она — буднична и привычна. Она неприкосновенна и прекрасна, она совершенно асексуальна. Тело, едва прикрытое одеждой, не скрывает тепла души, а, наоборот, выражает ее движения («душа-нараспашку»). Жест и мимика — это естественное продолжение душевных движений в движениях тела. Никто так бурно не жестикулирует и не обладает столь живой мимикой, как южане. Это душа их так и рвется наружу, продолжаясь в теле. Именно потому в аду с путешествующим Данте сразу вступают в разговор даже те, кто был осужден пребывать там за гордыню (по представлению северянина, они должны были бы игнорировать всякие обращения извне, надменно скрестив на груди руки, чтобы усилить телесный панцирь, — и непременно отвернуться от вопрошающего).

Но не в тонких психологических наблюдениях Р. Гвардини все дело. (Они, так сказать, идут контрапунктом, если не сказать — контрабандой.) Р. Гвардини — очень серьезный философ. Но — прежде всего и в первую очередь — он теолог. Больше того: он занимал важное *официальное* место в церкви. После Второй мировой войны Р. Гвардини стал прелатом папского двора — то сам римский папа, присвоив ему этот титул, отнес его к высшей католической иерархии. Р. Гвардини был не «бюрократом», но «идеологом» — он, в частности, готовил документы Второго Ватиканского собора (1962–1965). Это событие определило политику и идеологию католической церкви на десятилетия. В 1965 году в знак признания его заслуг папа Павел VI предложил ему сан кардинала. Но Р. Гвардини не принял сана, сославшись на состояние здоровья.

Так что «искусствоведение» или «литературоведение» Романо Гвардини весьма специфично. Он написал о величайших писателях и поэтах, которые

принадлежали к различным конфессиям, но имели одну общую черту. Они в своих произведениях пытались говорить о Боге. Разумеется, по представлениям Р. Гвардини, это было не случайно. Это Бог, в сущности, говорил их устами о себе — с человечеством. Он открывал себя художникам слова в откровении. Они постигали его интуитивно — то есть не через «опыт», не через умозаключения, шаг за шагом («тезис-антитезис-синтезис»), а разом. Дар откровения сваливался на них не по частям, потому что он состоял именно в способности видеть Целое Божьего Мира. Так что художественное откровение священник-литературовед Р. Гвардини уподобляет сновидению. Он внимательно отслеживает, как протекает «сновидение» Данте, известное как «Божественная Комедия». И это как раз и становится предметом рассмотрения в предлагаемой читателю главе из книги.